

Перетятко Артем Юрьевич

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РАННЯЯ СТАДИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ПО СХЕМЕ МИРОСЛАВА ХРОХА

Статья посвящена анализу взаимосвязи между формированием казачьей идентичности во второй половине XIX в. и зарождением казачьего национализма. Ее целью является поиск идейных предшественников группы С. А. Холмского. К Области Войска Донского периода 1860-1890 гг. впервые применяются схемы национального движения, разработанные авторитетным чешским историком М. Хрохом. Использование данных схем позволило выявить преемственность между казачьими националистами 1910-х гг. и представителями как казакоманского, так и прогрессистского движений более раннего периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. II. С. 122-125. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(470+571)“17/1917”

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу взаимосвязи между формированием казачьей идентичности во второй половине XIX в. и зарождением казачьего национализма. Ее целью является поиск идейных предшественников группы С. А. Холмского. К Области Войска Донского периода 1860-1890 гг. впервые применяются схемы национального движения, разработанные авторитетным чешским историком М. Хрохом. Использование данных схем позволило выявить преемственность между казачьими националистами 1910-х гг. и представителями как казакоманского, так и прогрессистского движений более раннего периода.

Ключевые слова и фразы: донское казачество; казачья идентичность; казачий национализм; национальное движение; С. А. Холмский; М. Хрох; Б. С. Корниенко.

Перетятко Артем Юрьевич, к.и.н.

Дом детского творчества Железнодорожного района г. Ростова-на-Дону

ArtPeretatto@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
РАННЯЯ СТАДИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ПО СХЕМЕ МИРОСЛАВА ХРОХА®**

Проблема этнической идентификации донского казачества, актуализировавшаяся в 1990-е гг. [5, с. 187], возникла задолго до этого времени. Дискуссии на данную тему велись еще во второй половине XIX века [8, с. 417-425], однако споры о том, является ли казачество народом, субэтнотомом или военным сословием, продолжаются и по сей день. В подобных условиях представляются актуальными попытки взглянуть на дискуссионные проблемы с новой точки зрения, попытаться применить к ним иные, не использовавшиеся предшественниками теоретические наработки. Так, сам термин «народ» может означать как чисто этническую, так и общественно-политическую группу, причем в рамках различных подходов разнятся принципы определения границ этой группы. В отношении казачества со времен Е. П. Савельева обычно употребляют термин «народ» в первом, чисто этническом значении этого слова [10, с. 14-20]. Тем интереснее предпринятая Б. С. Корниенко попытка рассмотреть развитие казачьего национализма начала XX в. с позиции теорий М. Хроха [5, с. 25], в соответствии с которыми нация является «большой социальной группой, цементируемой не одним, а целой комбинацией нескольких видов объективных отношений (экономических, политических, языковых, культурных, религиозных, географических, исторических) и их субъективным отражением в коллективном сознании» [13, с. 122]. Чешский историк на основании восточноевропейского опыта пришел к выводу, что нация формируется на основе этнической группы только как результат процесса «национального движения» [Там же, с. 124]. Этот процесс в разных регионах протекает по схожему сценарию и состоит из трех фаз: в фазе А происходит исследование характерных черт, в том числе и исторических, этнической группы и их закрепление в массовом сознании; в фазе В начинается агитация, призывающая представителей этнической группы осознать себя как единый народ, причем в первой полуфазе эта агитация, как правило, не приводит к заметным успехам; наконец, в фазе С национальное движение становится по настоящему массовым [Там же, с. 125].

Монография Б. С. Корниенко посвящена возникновению на Дону в начале XX века двух конкурирующих националистических центров, один из которых, связанный с газетой «Донские областные ведомости» и ее редактором Х. И. Поповым, рассматривал казачество как часть русского народа (русские националисты), а второй, сформировавшийся вокруг журнала «Голос казачества» С. А. Холмского и Е. П. Савельева, доказывал, что казачество является самостоятельной нацией (казачьи националисты) [5, с. 203]. К сожалению, Б. С. Корниенко, хотя и отмечает наличие преемственности между казачьими националистами и «казакоманами» 1860-1870 гг. [Там же], не затрагивает вопроса о конкретных формах этой преемственности и, шире, о предпосылках казачьего национализма 1900-1910 гг. Он полагает, что в начале XX века донское казачество находилось еще в фазе А национального движения, а его активисты пытались реконструировать (а в некоторых случаях и сочинить) историю казачества как отдельного от русского народа, определить этнические границы казачьей нации [Там же, с. 208].

Таким образом, по мнению Б. С. Корниенко, которое мы разделяем, на Дону существовало национальное движение, однако оно не дошло до завершающей стадии и не привело к формированию казачьей нации. Однако, на наш взгляд, в начале XX века казачий национализм уже явно находился в фазе В национального движения, поскольку он сопровождался активной политической агитацией. Как отмечает сам Б. С. Корниенко, представители группы С. А. Холмского боролись за право политически представлять консервативную часть донского казачества [Там же, с. 46]. «Голос казачества» откровенно призывал казаков развивать чувство национализма, чтобы сохранить свои права и привилегии, «дух живого казачества», «свое казачье нечто» [1, с. 413]. Следовательно, либо сама концепция чешского исследователя не подходит для изучения донского казачества,

либо к началу XX века процесс его национального возрождения зашел достаточно далеко, и фаза А была успешно пройдена. Есть ли у нас достаточные основания считать второе утверждение верным?

У М. Хроха есть важная оговорка о том, что во время фазы А сами участники национального движения могут не считать себя таковыми. Более того, некоторые из них в принципе будут полагать невозможным превращение своей этнической группы в нацию [13, с. 125]. М. Хрох характеризует подобных активистов как «исследователей-эрудитов», не преследующих никаких общественных целей, которые, тем не менее, закладывают базу для формирования национальной идентичности. Только существование этой базы делает возможным появление политических движений, разыгрывающих карту национализма. Возникновение подобных движений чешский исследователь считает возможным не ранее фазы В [Там же, с. 129]. Значит, если идеи М. Хроха применимы к казачеству, первая фаза национального движения на Дону должна была начаться до появления группы С. А. Холмского и выражаться не в непосредственной политической деятельности, а в формировании некой особой казачьей идентичности.

Обратившись к донской истории, мы можем обнаружить, что резкий рост интереса к казачьей проблематике в периодической и неперiodической печати пришелся на начало 1860-х гг. А. А. Волвенко прямо утверждает, что именно в это время в обществе начал формироваться образ казака, в то время как более ранние работы подобной тематики были интересны только узкому кругу военных, чиновников и литераторов и не вызывали столь широкого общественного резонанса [2, с. 79-80]. Какие же идеи транслировали обществу донские авторы? В 1863 г. Н. И. Краснов в своей книге «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского» использовал термин «народ» по отношению к казачеству [6, с. 9-10]. Вряд ли подобное словоупотребление было продуманным, поскольку в одном месте «Материалов для географии и статистики России» упоминается народ донских и запорожских казаков [Там же, с. 9], а в другом месте народом именуется донское казачество отдельно [Там же, с. 10], однако, оно явно свидетельствует о том, что в глазах Н. И. Краснова между казаками и остальными русскими существовало серьезное различие. Схожего мнения придерживались и те его современники, которые, безусловно, относили казаков к русской нации. Так, отец Н. И. Краснова И. И. Краснов считал возможным писать об «элементах народности» и самостоятельности донских казаков, которые поддерживались «прочными учреждениями» и «живучими преданиями» казачьей службы, хотя он и был противником выделения казачества в особый народ [3, с. 353]. Х. И. Попов, будущий противник С. А. Холмского и идеолог русского национализма в казачьей среде, в это время характеризовал казаков как «племя Русское, лишь с примесью других элементов; но оно сложилось при других обстоятельствах жизни, имевшей свою особенность против жизни русских крестьян» [9, с. 3]. Таким образом, представители местной элиты в 1860-е гг. начали формировать в широких общественных кругах образ и идентичность казака, которые, как подчеркивалось ими всеми, существенно отличались от образа и идентичности русского крестьянина. То, что слово «народ» по отношению к казачеству применялось лишь некоторыми из них, принципиального значения не имеет. Важно было иное: в это время активно шел поиск тех характерных черт казачества, на основе которых в дальнейшем стало потенциально возможным формирование его как особой нации.

А. А. Волвенко отмечает, что культурным стереотипом стал предложенный как раз И. И. Красновым образ «донского казака – верного русского подданного, готового поступиться всем, что ему дорого ради Царя и России» [2, с. 85]. С. А. Холмский только раздвигал этот образ, предлагая для казачьих депутатов IV Государственной Думы лозунг: «Живу для казачества, умру за Царя!» [12, с. 519]. К 1860-м гг. общепринятым становится и представление о некотором этническом отличии казаков от русских. Мы уже привели мнение Х. И. Попова, согласно которому казачество было русским племенем, но с примесью других элементов. И. И. Краснов обращал внимание на то, что вплоть до XIX века на Дон свободно принимались представители различных национальностей при условии принятия ими православия [3, с. 343]. Н. И. Краснов указывал на особую роль малороссийского элемента [6, с. 10]. Позже С. А. Холмский также обратит внимание на особые связи донских казаков с Сечью, а не Россией: «Эти господа (*политические дельцы – прим. автора – А. П.*) с насмешкой смотрят на нас, гордящихся именем казака, омытом благороднейшей казацкой кровью рыцарей Дона и Сечи» [12, с. 518]. Уже в 1860-е гг. местной элитой было выделено две черты казачьей идентичности, в дальнейшем воспринятые националистами: особая преданность государю и большая примесь иноземной крови.

Разумеется, образ донского казака не ограничивался двумя указанными выше чертами. Но 1860-е гг., на наш взгляд, стали только началом первой стадии казачьего национального движения. В 1860-х – 1900-х гг. шел процесс постепенного накопления отличий казачьей идентичности от русской, углублялось и укоренялось представление об особом образе казака. Так, в 1870-е гг., в связи с созданием земств и ростом иногороднего населения, на первое место вышли проблемы землепользования и особого статуса казаков на Дону. В это время сформировалась мысль о том, что Область Войска Донского представляет собой особую казачью землю, принадлежащую только казачеству, как по праву завоевания, так и по праву пожалования [4, с. 116]. Снова приведем для сравнения цитату из программы С. А. Холмского: «Неужели-же казак обязан за это разделить с ними (*с крестьянами – прим. автора – А. П.*) свою собственность, юридически укрепленную за ним по многочисленным грамотам Российских Самодержавцев?» [12, с. 518]. Следовательно, и образ казака-хозяина земли донской, не желающего делиться владениями своих предков с чужаками, был воспринят С. А. Холмским от предшественников. Мы не ставим своей задачей выявлять все черты образа казачества, возникшего в 1860-е – 1900-е гг., однако и приведенных нами достаточно, чтобы констатировать: именно в это время на Дону активно шла фаза А национального движения, складывалась база для формирования казачьей национальной идентичности.

Особое внимание нам бы хотелось обратить на два момента. Во-первых, не все идейные предшественники казачьих националистов были казакоманами. А. А. Волвенко определяет Н. И. Краснова как «главного идеолога проправительственно настроенного и готового к коренным реформам казачества» [2, с. 85]. Х. И. Попов, по мнению Б. С. Корниенко, в период земских реформ относился к либеральной части местной элиты [5, с. 41]. База для формирования казачьей национальной идентичности формировалась как казакоманами, так и прогрессистами. Мы согласны с Б. С. Корниенко, что политически группа С. А. Холмского выступала как продолжение консервативного казакоманства, однако ее деятельность в области национального движения была подготовлена всей общественной жизнью предыдущего периода, а не каким-либо одним ее течением. Кстати, по мнению самого М. Хроха, в фазе А и даже в фазе Б национальное движение обычно объединяет людей совершенно противоположных политических взглядов, и его окончательное разделение на консервативное и либеральное крылья происходит достаточно поздно [13, с. 125].

Во-вторых, выявленные специфически казачьи черты достаточно быстро закреплялись в общественном сознании. М. Н. Харузин отмечал уже в 1870-е гг., что казаки отличают себя от «русских» (общепринятое на Дону название иногородних) в первую очередь как носителей особой службы царю, более почетной, чем у крестьян [11, с. XXVIII-XLXX]. П. Н. Краснов, выступавший на стороне Х. И. Попова в ходе его политической борьбы с С. А. Холмским, в своей известной книге «Картины былого Тихого Дона», написанной в тот же период, упоминал о смешении предков донских казаков с другими народами, и рассматривал военную службу и преданность царю как основу казачьей идентичности [7, с. 520-522]. Следовательно, фаза А национального движения на Дону проходила достаточно успешно, благодаря чему образ казака к 1900-м гг. был воспринят широкими общественными кругами, включая не только казачьих, но и русских националистов.

Таким образом, группа С. А. Холмского возникла именно тогда, когда она должна была возникнуть в соответствии с концепцией М. Хроха: после того, как сложилась особая казачья идентичность, был выявлен и укоренен в сознании общества ряд признаков, этнических, политических, экономических и культурных, отличающих казаков от русских. Более того, слово «народ» по отношению к казачеству уже употреблялось в конце XIX века, хотя сколько-либо широкого распространения эта тенденция не получила. Фаза А национального движения на Дону подготовила начало в 1900-е – 1910-е гг. первой полуфазы Б (попыток политической агитации, не нашедших широкой поддержки населения).

Как мы видим, применение к истории казачества универсальных схем может позволить иначе взглянуть на широко известные проблемы. Развивая идею Б. С. Корниенко, следует признать, что существовали определенные предпосылки для того, чтобы донское казачество стало нацией в понимании М. Хроха, нацией не этнической, а политической, реализующейся путем создания особой структуры, будь то независимое государство или автономия в составе федерации. Но процесс национального движения на Дону зашел существенно дальше, чем предполагает Б. С. Корниенко, и фаза А была им успешно пройдена. Неудача группы С. А. Холмского не опровергает этого утверждения: выше мы писали, что М. Хрох особо оговаривает деление фазы Б на две полуфазы, поскольку на начальном этапе политическая пропаганда националистов почти всегда неудачна. Зато образ казака, вокруг которого могло бы происходить формирование казачьей нации, был укоренен предыдущим поколением активистов достаточно глубоко, и его существенные элементы разделяли даже убежденные противники С. А. Холмского. Возможно именно то, что естественный процесс национального движения был прерван, и не произошло ни вытеснения образа казачьей идентичности из массового сознания, ни формирования вокруг него новой нации, и сделало таким актуальным до наших дней вопрос об этнической идентичности казачества.

Список литературы

1. А. Г. Казачий национализм // Голос казачества. 1912. № 35.
2. Волвенко А. А. Образ донского казачества в русской периодической печати начала 60-х гг. XIX века // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные науки в современном мире». 2006. № 2. С. 78-88.
3. Г.л. к-въ 1-й (И. И. Краснов). О народности в Донском войске // Военный сборник. 1862. № 4. С. 343-357.
4. Козлов А. А., Козлов А. И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX – начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 95-125.
5. Корниенко Б. С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909-1914). СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2013. 232 с.
6. Краснов Н. И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля Войска Донского. СПб.: Типография департамента Генерального штаба, 1863. 596 с.
7. Краснов П. Н. Картины былого Тихого Дона: краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе, войсковых частях. СПб.: Товарищество Голике и Вильборг, 1909. 526 с.
8. Перетятко А. Ю. Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-1880 гг.: Н. И. Краснов, М. Н. Харузин, С. Ф. Номикосов // Границы и пограничье в южнороссийской истории: мат-лы Всероссийской науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 26-27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 417-428.
9. Попов Х. И. Мысли казака о казачестве, по поводу современных слухов // Донские областные ведомости. 1863. № 20.
10. Савельев Е. П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2010. 480 с.
11. Харузин М. Н. Сведения о казачьих общинах на Дону: мат-лы для обычного права. М.: Типография М. П. Щепкина, 1885. Вып. 1. 432 с.
12. Холмский С. А. Выборы в Казачестве // Голос казачества. 1912. № 47. С. 517-520.
13. Хрох М., Андерсон Б., Бауэр О. и др. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.

FORMATION OF COSSACK IDENTITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: EARLY STAGE OF NATIONAL MOVEMENT ON MIROSLAV HROCH'S SCHEME

Peretyat'ko Artem Yur'evich, Ph. D. in History

The House of Children's Creativity of Zheleznodorozhny Town District, Rostov-on-Don
ArtPeretatko@yandex.ru

The article analyzes correlations between the formation of Cossack identity in the second half of the XIX century and the origin of Cossack nationalism. The research focuses on finding the ideological predecessors of S. A. Kholmskiy group. The author for the first time applies the schemes of national movement developed by the authoritative Czech historian M. Hroch to the Province of the Don Cossack Host of the period of 1860-1890. Using these schemes allowed identifying continuity between the Cossack nationalists of the 1910s and the representatives of the Cossack-mania and progressive movements of the earlier period.

Key words and phrases: the Don Cossacks; Cossack identity; Cossack nationalism; national movement; S. A. Kholmskiy; M. Hroch; B. S. Kornienko.

УДК 316

Философские науки

Аватарная коммуникация в Интернете создает новые принципы в выработке знания и построения индивидуальности. Включение «Индивидуального» в рамки технологического аппарата (аккаунта, блога, сайта) воспроизводит новый механизм конструирования своей индивидуальности. Чтобы стать «все́м», надо сначала «всё» расщепить на гибридные формы. Аватарная коммуникация выступает комплексным способом выражения нового знания без прямой необходимости отсылки к автору. Телесность и физическое присутствие не являются необходимым требованием воспроизводства себя, что позволяет нам говорить о новой методологии построения индивидуальности в Сети.

Ключевые слова и фразы: Интернет; аватарная коммуникация; гибридные формы; индивидуальность; блоги; интернет-коммуникация.

Пестов Павел Алексеевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Pestov_pavel@mail.ru

ЖИЗНЬ ВОКРУГ ТЕКСТА: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ИНТЕРНЕТА[©]

В Интернете любое действие задокументировано. В силу технологической специфики Интернета, утверждение своего присутствия в Сети необходимо фиксировать в текстовом режиме. Сообщения, комментарии, посты, короткие статусы являются необходимыми способами тиражирования себя. Только в текстовом формате индивид актуализирует себя как участника дискуссии. Постулирование текстуального тезиса является необходимым требованием вступления в дискурсы – диалоги в виртуальном пространстве. Если человек игнорирует данное требование, он фактически исключается из обсуждения и не имеет возможности проявить себя иначе. Представленность через текст иллюстрирует новый виртуальный разрыв между текстуальным и голосовым присутствием. Окончательно размываются принципы межчеловеческой коммуникации, основанные на взаимодействии «лицом к лицу». Гипертекстуальный характер Интернета превращает индивида в подобие себя, «аватара». Термин «аватар» имеет два основных значения. В технологическом смысле аватаром называют двухмерное изображение (иконку) в веб-форумах, мессенджерах, чатах, порталах, блогах, социальных сетях [5, р. 25]. Также термин «аватар» используется в индуистской мифологии, который переводят с санскрита как нисхождение, воплощение.

Авторство в Интернете расщеплено и имеет целый спектр подтверждения своей идентичности с помощью «никнеймов», визуальной презентации, логинов. Каждая программа, исходя из своих технических конфигураций, расщепляет автора на его составляющие. Многообразие альтернатив представленности себя через аватары позволяет говорить нам о гибридных формах представленности и трансформации принципов индивидуальности в Интернете.

Современный философ А. Ашкеро́в называет данную ситуацию «эпоха гибридов». Расщепление идентичностей на гибриды заключается в представлении людей не как субъектов коммуникации и носителей информации, а как гибридов, воплощающих в себе «соединение несоединимого». Под «соединением несоединимого» Андрей Ашкеро́в понимает наделение атрибутом человечности любых понятий и представлений [1]. Индивидуальность персоны в Интернете складывается из представленных им гибридных форм в виде аватаров, «никнеймов», авторов блогов и др.

В данном контексте формируются новые требования к закреплению своей индивидуальности в Сети.

Во-первых, индивидуальность становится не исходной посылкой в осуществлении коммуникации, а процедурой создания. Пользователи самостоятельно создают свою уникальность в Интернете: интересную наполненность своего «аватара», сопровождение блога содержательным текстом и аудио-визуальным